

И. Арский

ВОССТАНИЕ

**„КУРУЦЕВ“
В ВЕНГРИИ
в 1514 году**

1

В 1514 году феодальную Венгрию потрясла мощная крестьянская война, так называемое восстание «куруцев», которое послужило предюдием к великой крестьянской войне в Германии, поставившей под угрозу всю систему феодальной эксплуатации в Центральной Европе. Эти события в Венгрии нельзя понять, не проследив основные черты истории образования феодальной Венгрии и пути, пройденного мадьярским народом в X—XV веках.

Семь кочевых племен, объединившихся под общим именем мадьяр, пришли в равнины древней Паннонии (теперешней Венгрии) в самом конце IX века. Отряды храбрых, исключительно выносливых, крепких, точно выросших на конях варваров быстро завоевали всю степную территорию, по рекам Тиссе и среднему Дунаю, разрушив в союзе с немецкими феодалами славянскую, так называемую «моравскую державу».

Постепенно народные собрания, коллективное владение пастбищем, военная демократия — все эти институты уже разлагавшегося родового строя (у них в ту пору насчитывалось около 100 родов) стали исчезать, уступая место быстро развивавшимся феодальным порядкам. Обогащению и быстрейшему выделению господствующей феодальной эксплуататорской

верхушки среди мадьяр (соседи называли их венграми) способствовали также почти регулярные грабительские набеги, совершавшиеся ими в X веке на Италию, Германию, Чехию и Византию. Мадьярские дружины так же внезапно и быстро появлялись в соседних землях, как и исчезали, разорив и ограбив все кругом. После этих походов они возвращались в Венгрию с огромной добычей.

Социальный строй мадьярского народа постепенно переживал коренные изменения. Уже при приходе в долину Дуная у венгров было немало рабов, частично пленников, частично соплеменников. Мало-помалу число свободных людей уменьшалось: они попадали во все более возрастающую зависимость от могучей и богатой знати. Сформировался и орган классового насилия создающегося класса феодалов — государство, королевская власть. Еще Арпад — вождь мадьяр во время занятия Венгрии — в результате завоевания страны необычайно усилил свою власть, которая еще больше возросла при его сыне и преемнике Гейзе (умер в 997 году), а затем при внуке — Стефане (997—1038). Стефан, провозглашенный католической церковью «святым», окончательно оформил феодальный строй в Венгрии. При нем была завершена начатая уже при Гейзе христианизация мадьяр как идеологическая форма закрепления феодальных отношений в стране. От того времени до нас дошли две книги первых письменных венгерских законов (от 1016 года), которые ярко рисуют быт феодализирующейся Венгрии.

Первой заботой «благочестивого» короля было укрепление христианской веры, этой надежнейшей опоры феодальной эксплуатации. На каждые десять деревень была воздвигнута церковь, расходы же по построению были возложены на крестьян. На все трудовое население страны налагалась десятина. Вводилось обязательное соблюдение всех церковных праздников и постов. За пропуск церковных церемоний и невнимательность во время службы секли.

Частная собственность, институт

* «Куруцы» — по-венгерски крестоносцы.

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013
раздел нашей библиотеки,
посвященный истории Средних веков:
<http://istmat.info/node/29199>

Борьба классов. 1936, № 7

В XI веке мадьяры уже делились на следующие социальные прослойки: высшая знать — королевские вассалы, так называемые королевские слуги (*servientes regis*), лично-свободные люди (*jobagiones*), свободные мадьярские крестьяне и колонисты из переселенцев с соседних земель. Среди свободных было немало людей, несших военную службу; часть их превращалась в мелких феодалов, рыцарей; часть постепенно опускалась до уровня простых крестьян.

Вся страна делилась на ряд комитатов (графств), во главе которых стояли королевские наместники — «испаны». Каждый наместник комитата имел дружины, состоявшие из воинов-земледельцев.

Многое еще в венгерском общественном строе оставалось от старых, исконных обычаев и порядков (дворянское сословие окончательно оформилось в замкнутую касту только к XIV веку), но ярмо феодальной эксплуатации уже всей своей тяжестью давило на крестьянские спины. Обширные земли, принадлежавшие раньше всему народу, раздаривались королями светской и духовной знати, которая выжимала из крестьян феодальную ренту в отработочной и натуральной формах. Могущественные вельможи в свою очередь одаряли церковь из своих огромных земельных богатств. Так, когда герцог Альмош основал монастырь Демеш, он подарил ему 59 поселков с 761 крестьянином, которые должны были уплачивать аббату ежегодно 1522 гарца пшеничной муки, 4 быка, 1522 овцы, 300 жирных баранов, 50 свиней, 70 гусей, 120 кур, 81 кусок каменной соли, 1522 ведра пива, 175 ведер меду. Десятина в пользу

Денежное обращение играло в Венгрии уже в XI—XII веках сравнительно большую, по тогдашним масштабам, роль. Этому способствовало огромное накопление в стране драгоценных металлов, награбленных во время прежних набегов. В конце XII века венгерский король Бела III (1172—1196) получал около 165 тысяч марок серебра одних денежных доходов. В XIV же веке, когда в Венгрии стало развиваться горное дело и добыча серебра, венгерские короли считались одними из богатейших монархов Европы.

Замедлению процесса исчезновения лично-свободных людей среди мелких земледельцев-крестьян способствовали также внутрикласовые распри венгерских феодалов в XIII веке. Столкновения высшей знати, могучих магнатов, с рядовой массой мелких феодалов — рыцарей, привело к обнародованию в 1222 году так называемой «Золотой буллы» короля Андрея II, установившей основы правового положения всех групп класса феодалов. Борющиеся группировки, а особенно низшее дворянство, были заинтересованы в поддержке со стороны той части крестьянства, которая еще не успела полностью лишиться остатков личной свободы.

Хозяйственная разоруха, следствие разгрома Венгрии монголами в 1241 году, увеличила нажим феодалов на крестьян. В течение XIV—XV веков мы видим непрекращающийся натиск помещиков на крестьянство с целью полного и формального закрепощения его. В это время внешнее могущество

Процесс этот представлял собой палку о двух концах для знати, так как прозлил довести свободолобивых мадярских крестьян до восстания. Правительство это создавало и пыталось избежать этой опасности.

Уже в 1298 году, при Андрее III, был издан закон, подтверждающий свободу перехода лично-свободных крестьян от одного помещика к другому. Как плохо соблюдалась эта

1514 год.

Но уже было поздно, тем более, что помещики вовсе не желали хоть сколько-нибудь умерять свой эксплуататорский пыл, даже рискуя вызвать всеобщее крестьянское восстание. И оно вспыхнуло в конце концов, вспыхнуло с невиданной силой и энергией народного отчаяния. Это было славное восстание «куруцев» в 1514 году.

Оно не было первой попыткой широкого крестьянского восстания в Венгрии. В течение XV века неоднократно вспыхивали отдельные крестьянские восстания и волнения, и, как ни скрывает их буржуазная историография, мы можем установить эпизоды многих из них. Так например известно, что в начале XV века в окрестностях города Надьсомбата восстали крестьяне во главе со старостой Блашко. Подробности событий не сохранились. Мы знаем только, что восстание было подавлено и предводители крестьян были казнены. В 1437 году широко распространилось восстание семиградских крестьян, доведенных до отчаяния стремлением епископа Лепеша взимать с них десятину в денежной форме. Восставшие хотели обратно отвоевать, восстановить свою свободу, ту свободу, которую короли Венгрии даровали каждому жителю страны, и по общему хорошо обдуманному плану сбросить с себя свое тяжелое бремя.

Крестьянам удалось на первых порах одержать верх. В июле 1437 года они заключили соглашение с помещиками, состоявшее из 18 статей, по которым отменялись церковная десятина и ряд оброков в пользу помещиков и подтверждалось право свободного перехода крестьян из поместья в поместье. Раз в год от всех окрестных сел должны были собираться представители для проверки того, соблюдают ли помещики условия договора. Участники восстания были признаны свободными от какого бы то ни было наказания.

Но уступчивость дворян была только тактическим ходом. Собравшись с силами и обеспечив себя содействием городской буржуазии, дворяне стали одолевать крестьян. В 1438 году восстание было подавлено, много крестьян погибло, а 9 их предводителей были посажены на кол.

Однако энергия семиградских крестьян не была сломлена этим поражением. В 1470 году по всей области прокатилась волна убийств помещиков крестьянами. В 1492 году вспыхнуло крестьянское восстание против воеводы Батори, построившего себе замок на секлерской земле и беспощадно выколачивавшего оброки из крестьян на устройство и снабжение этого замка. Секлерские и саксонские крестьяне (потомки северонемецких колонистов) сообща двинулись на классового врага. Но и это восстание было подавлено.

2

В конце XV, начале XVI века феодальная Венгрия переживала критический момент. Турецкие войска, подчинив себе земли Балканского полуострова, вплотную подошли к венгерским границам. Между венгерскими и турецкими феодалами разгорелась ожесточенная борьба за господство над Дунайскими землями. Венгерские войска предпринимали походы и в глубь турецких владений, но в общем перевес склонялся на сторону турок. Особенно это стало заметно после разрома в 1444 году при Варне венгерского войска, шедшего под лозунгом крестового похода. В этом сражении погиб сам венгерский король Владислав I.

Остатки венгерского войска были уведены домой талантливым воеводой Яном Гуниади, румыном по происхождению, ставшим затем правителем Венгрии. Усилиями его и его сына Матвея Корвина, избранного королем страны (1458—1490), венгерским феодалам удалось остановить турецкий натиск, тем более опасный для помещиков Венгрии, что турецкое господство несло значительное смягчение феодального гнета и потому во многих местностях привлекало к себе сочувствие крестьян-христиан. В своей борьбе Матвей Корвин опирался в первую очередь на мелкое дворянство, на мелких помещиков Венгрии, нередко сталкивавшихся с богатыми магнатами на почве междоусобной конкуренции из-за эксплуатации крестьянства.

Король Владислав II (1490—1526), не отличавшийся личными дарованиями и не пользовавшийся особыми

Средневековые венгерские рыцари.

Со старинной гравюры.

симпатиями мелкого дворянства, с гораздо меньшим успехом боролся с турецким нашествием. Для того чтобы стянуть широкие массы как мадьяр, так и жителей соседних христианских земель в борьбу против турок, была выдвинута идея крестового похода. Инициатива этого похода принадлежала кардиналу — архиепископу Бакачу, назначенному папским легатом в Венгрии, который перед тем неудачно претендовал даже на папскую тиару. Получив от папы соответствующие полномочия по организации крестового похода, Бакач отправился в Венгрию. Но когда он в 1514 году торжественно прибыл на родину с папской буллой, то был встречен королем Владиславом и венгерской знатью не особенно радостно, так как в это время как раз был заключен с султаном мирный договор на три года. Таким образом, реальной, неотложной необходимости в вооруженном выступлении против Турции уже не было. Тем не менее Бакач, стремившийся во что бы то ни стало стянуть лавры вождя крестоносцев, настаивал на походе.

Король, не скрывая своей неприязни к «святому делу», все же созвал государственный совет, значительная

часть которого высказалась за поход. Буйная, драчливая венгерская знать готова была воспользоваться любым поводом, лишь бы пожиться добычей на войне. Такая пустая формальность, как подписанное перемирие, ее мало смущала. Однако значительная часть членов совета придерживалась более осторожного и дальновидного взгляда. Многие из них прекрасно сознавали, что венгерское дворянство в случае войны с турками наверняка не будет иметь надежного тыла. Нетрудно было предвидеть, что долготелая беззащитная эксплуатация крестьян помещиками создала в стране накаленную атмосферу. Особенно ярко страх перед крестьянским восстанием проявился в речи королевского казначея Стефана Телегди на совете. «Нет сомнения, — говорил он, — что булла, призывающая к крестовому походу, соберет многочисленную толпу, но из кого будет состоять этот народ? Это будут большей частью нищие, бездомные бродяги, беглые преступники, которые под видом крестоносцев станут учинять новые злодеяния. Я не сомневаюсь также, что под знамя креста стекнутся крестьяне и сельские жители в большом количестве, но это опять-таки будут те, кто уклоняется

Средневековый венгерский воин.
Со старинной гравюры.

от работы, кто избегает наказания и стремится из недовольства своими хозяевами отомстить им. Ну, а что, если дворянство вследствие неуплаты крестьянами барщины, будет жаловаться на уменьшение доходности со своих поместий, потребует назад этих ушедших крестьян, или насильно удержит их у себя? Что, если для того, чтобы принудить их вернуться в поместья, дворяне бросят в темницы их жен и детей? Думаете ли вы, что эта вооруженная толпа крестоносцев будет терпеть все это и не нападет из мести на дворян? Думаете ли вы, что они послушаются вас или кого-нибудь вашего начальника? Соединившись с пришельцами из Чехии и Польши, они обрушатся на нас, и тогда наступит гибель для всего нашего дворянского сословия. Дай бог, чтобы я оказался плохим пророком!

И уже если проповедывать крестовый поход, то лишь с тем, чтобы привлечь в войска только зажиточных людей, могущих снарядить себя на собственные средства. Но во всяком

случае опасности королевству ведь никакой не угрожает Султаном подписано перемирие и его силы заняты в Азии»¹.

Однако слова Телегди, оказавшиеся поистине пророческими, не охладили воинственного пыла венгерских дворян. 16 апреля 1514 года Бакач обнародовал папскую буллу, обещая отпущение грехов всем крестоносцам и угрожая изгнанием и карами тем, кто станет мешать сборам в поход. Проповедники крестового похода разошлись по стране. В короткое время по всей Венгрии стали собираться толпы «куруцев», состоявшие большей частью из обнищавших и измученных крестьян. Особенно много их собралось около городов Пешта, Весприма, Калоча, Секешфегервара (Штульвейсенбург) и Наги-Варада (Гроссвардейн).

Уже первые шаги крестоносцев сопровождались столкновениями с дворянами, и поэтому среди последних не оказалось желающих принять командование над этими войсками.

Наконец вождем для войска крестоносцев был найден, и 30 апреля в торжественной обстановке кардинал Бакач вручил ему присланное папой белое знамя с красным крестом. Этим вождем был Георгий Дожа, родом секлер, служивший рядовым воином в пограничных войсках у турецкого рубежа, но за храбрость, проявленную им во время одного из пограничных набегов, награжденный дворянским званием, гербом, почетным кафтаном, саблей, шпорами, золотой цепью, двойным жалованьем и имением с 40 крестьянскими дворами. Известие о назначении Георгия Дожи начальником нестройного и разношерстного войска еще более увеличило приток добровольцев в крестоносные войска, ибо слава о его легендарной храбрости уже облетела всю Венгрию.

К нему стали стекаться недовольные изо всех слоев населения. Больше всего, конечно, приходило измученных помещичьей эксплуатацией крестьян, но присоединялись и обедневшие мелкие дворяне, разоренные и обиженные своими более могущественными собратьями, приходили полуни-

щие сельские попы, притесняемые епископами, наконец, присоединилось немало подмастерьев, обедневших ремесленников, чернорабочих и вообще городской бедноты. Скоро в одном только центральном лагере, под столицей Пештом, собралось около 40 тысяч человек, в остальных сборных пунктах было тоже примерно столько же.

Кроме Дожи виднейшими предводителями «куруцев» были. его брат Григорий, два сельских священника — Лаврентий Месарош и Барабаш, Фома Кечкеш, Франц Бачош, Антон Наги, Бенедикт Поганы и уроженец Пешта Амвросий Салереш. Чем больше росли ряды войска, тем ярче обнаруживались в стране классовые противоречия. Между «куруцами» и помещиками происходили непрерывные столкновения, так как помещики, испуганные отливом рабочих рук из деревень, пытались насильственно удерживать крестьян и усиливали эксплуатацию тех, которые еще оставались. Однако эти меры не только не уменьшали числа «куруцев», но, наоборот, еще более раздражали крестьян и увеличивали приток добровольцев в крестоносное войско.

Среди самих вождей «куруцев» также намечались значительные расхождения. Если Лаврентий Месарош убеждал Дожу немедленно расправиться с дворянством и освободить крестьян от невыносимого гнета, истребив кровопийц, то брат Дожи, Григорий, старался, наоборот, удержать его от открытого разрыва с помещиками. Но когда в середине мая пришел королевский приказ не принимать больше добровольцев и немедленно выступить в Боснию против турок, причем королевские дворянские войска не присоединились к «куруцам», что фактически означало попытку крестьян на убой и голодную смерть, буря классовой ненависти прорвалась. Крестьянские отряды хлынули на пригороды столицы и принялись громить дворцы венгерской знати, перебив многих из их владельцев.

Крестьянская война началась!

3

Напрасно кардинал Бакач грозил крестьянам всеми карами за отказ ид-

Средневековый венгерский воин.
Со старинной гравюры.

ти на турок. Он слишком поздно понял, какую угрозу для его класса представляют собранные им «крестоносцы». Дожа и «куруцы» не слушали честолюбивого папского легата. Дожа приказал Салкерешу укрепиться на Ракошском поле, под столицей, и перенять все подступы к ней. Лаврентий Месарош он отправил в Бач, а Барабаша — на Эгер (Эрлау) с приказом вести собранные там отряды к Сегеду (Сегедин), куда двинулся и сам, разделив войска на две части. Это было ошибкой Дожи. Ему следовало воспользоваться растерянностью, которая охватила дворян и правительство, и захватить Пешт вместе с королем и кардиналом Бакачем, что было делом нетрудным, так как войска у них в тот момент почти не было.

В Цегледе Дожа опубликовал воззвание к народу: «От Георгия секлера, могучего воина, вождя и капитана королевских венгерских крестоносцев, но не подданного вельможи, привет всем городам, местечкам и дерев-

¹ Istvanffy «Regni hungarici historia». V V p 40 Wien. 1758

ням Венгрии, а особенно комитатам Пештскому и Сольнокскому. Да будет вам известно, что коварная зная под нялась на собравшиеся крестоносные войска, чтобы снова нас преследовать и истреблять, а потому приказываю вам под страхом кары и вечного проклятия, а также потери имущества и жизни тотчас же по получении этого послания, без отговорок и промедления, спешить к нам в Цеглед, чтобы крестоносное войско, устившись вами, смогло одолеть, уничтожить и с корнем истребить силу и могущество коварной и проклятой знати. Привет вам, если так сделаете, если же нет, то не избежать вам кары. Мы переведем вас в ворот ваших поселений или посадим на колья у ваших жилищ, мы разорим ваше имущество, снесем дача и замучаем ваши семьи»¹.

Дожа действует энергично и решительно поместья пылали, более 400 дворян было перебито, многие дворянские семьи были уничтожены полностью. Жестокость крестьянской войны соответствовала беспощадной жестокости векового дворянского гнета и издевательству над храбрыми и свободолюбивыми мадьярскими крестьянами. Правительство растерялось. Знать обвиняла во всех бедах короля и кардинала Бакача. Последние в страхе и бездействии отсиживались в Пештском замке. Палатин королевства Петр Перень заболел от страха. Члены государственного совета в панике предлагали просить помощи у императора Максимилиана и у польского короля Сигизмунда, зарившихся на венгерский трон. Чешские феодалы обещали прислать войска на выручку своих венгерских собратьев по классу. Капитан наемных италийских земель Стефан Батори был назначен начальником собравшихся королевских войск. Один из дворян — Ян Борнемиша — по лучшей приказ — очистить окрестности столицы от «куруцев». Королевский камергер доставил в начале июня северовенгерским дворянам приказ короля — спешить под Пешт и в войска Стефана Батори, не отвлекаясь борь-

бой с мелкими местными крестьянскими отрядами, рассыпавшимися по всей стране, ибо, если войска Дожи будут уничтожены, писал король, то нетрудно будет справиться и с остальными. Города должны были предоставить дворичам свое оружие и отряды.

Приняв команду над королевскими войсками соборными спешно из всех соседних комитатов, и присоединив к ним пешних стрельцов, приклятых родом Пештом, Ян Борнемиша принялся за очищение от крестьянских отрядов левого берега Дуная. Столкнувшись с конным азангардом крестьянских войск, он обещал от королевского имени помилование всем, кто сложит оружие. Измученный Салереш покорился и сдался с частью людей, но большая часть крестьян, пылая ненавистью к знати, вступила в неравный бой. Под натиском многочисленной дворянской конницы, кое как вооруженные и лишенные предводителя, крестьяне были разбиты и загнаны в леса. Часть пленников была посажена на кол или четвертована, части — отрубили головы, а остальные — что бы не лишать помещиков необходимых рабочих рук — с отрезанными носами или ушами (некоторых оскопили) были отпущены домой.

Но еще рано было знати торжествовать победу над крестьянами. Вести о гибели одного из отрядов и зверской расправе победителей не только не запугала крестьян, как ожидали помещики, но еще более возбудила их классовую ненависть и подняла боевой пыл. всюду возникали новые отряды повстанцев.

В комитатах Берог, Унг и Марама-рош, где особенно сильно было засилье «кучки богатейших вельмож», к «куруцам» присоединялись отряды мелких дворян большей частью румынского происхождения. Замы и местечки, где запирались помещики, пылали. Однако победа Борнемиши подняла энергию дворянства и городских богачей, совсем уже было павших духом. В комитатах Земплин, Шопрон (Эдинбург) и Хевеш их отряды сумели одолеть небольшие, разрозненные группы крестьянских партизан. При Наги-Вараде помещичьи войска вновь разбили крестьянский отряд, со-

стоявший преимущественно из крестьян румын. Часть их спаслась в Молдавию и Польшу, часть добралась до лагеря Дожи. По всей Венгрии кипела беспощадная гражданская война.

Между тем Дожа после ряда неудачных попыток овладеть Сегедом, который укрепила городская буржуазия, перевел свое войско через реку Тиссу и двинулся на юг, в Чанадский комитат. Там, на берегу Мароша, уже расположился с войском Стефан Батори и присоединивший к нему свои отряды молодой чанадский епископ Николай Чаки.

С утра до вечера длился бой, не давая перевеса ни той, ни другой стороне. Ночью крестьянские отряды снова атаковали дворян. Отлично вооруженные, королевские войска прорвали ряды «куруцев» и погнали их в поле, близ местечка Ападфальва, на берегу Мароша, заросшее кустарником и тростником. Тут положение сразу переменялось: кусты скрывали крестьян и помогали в бою с всадниками, а дворянская конница с трудом продиралась сквозь заросли, теряя связь друг с другом и единство действий. Дожа двинул в бой свежие отряды, окружил врагов и почти всех их уничтожил. Епископ Чаки убежал в свой замок, на берегу Мароша, который крестьяне немедленно осадили и начали бомбардировать из пушек, захваченных в бою у врагов. Ночью он попытался спастись бегством в лодке, но был узнан, схвачен и с триумфом приведен к Доже, по приказу которого был в парадном епископском облачении посажен на кол.

В это время в лагерь Дожи прибыли подкрепления, явился и Лаврентий Месарош. Это усилило войско «куруцев», воодушевленное славной победой. Их отряды рассыпались кругом, истребляя дворян, в числе которых оказался и предусмотрительный казначей Телегди, спешивший присоединиться к уже разгромленному войску Батори. В это время Дожа открыто порвал с королем, провозгласил республику, отмену дворянства, всеобщее равенство и верховную власть народа.

Дожа составил план коренного переустройства страны, намереваясь истребить дворянство, уничтожить условия, разделить поровну всю землю,

Георгий Дожа. Современная скульптура.

ликвидировать епископства и аббатства. Сначала он хотел направиться в Семиградье, к своим соплеменникам — воинственным секлерам, надеясь присоединением их отрядов во много раз увеличить мощь крестьянского войска. Но Лаврентий Месарош угрожал ему двинуться к Темешвару, чтобы, захватив его, обеспечить себе надежный опорный пункт для дальнейших боевых действий. По пути на Темешвар «куруцы» захватили Нагилак, Солимош, Липпу и Вилагош и в середине июня осадили хорошо укрепленный Темешвар. Штурм укреплений города не удался, но ясно было, что если не придут на выручку королевские войска, то приступом ли, измором ли, но крестьяне возьмут Темешвар.

Стефан Батори тщетно просил помощи у короля, чтобы удержать Темешвар. Убедившись, что этим путем он ничего не добьется, он обратился к своему заклятому личному врагу семиградскому воеводе Яну Заполья, который, по совету своего родственника

¹ P r a u «Epistolae procerum regni Hungariae» V I p. 8 Wien 1806.

² Одно из высших феодальных чиновничьих звание средневековой Венгрии.

будущего свода законов Венгрии, ярко отобразившего победу дворян над крестьянами), забыл перед лицом общего классового врага свою расприю с Батори и стал собирать близ Железных ворот на Дунае дворянские ополчения Семиградья.

Через Карансебеш на Темеше он повел свое войско к лагерю Дожи, и в конце июля дворянская армия пошла к Темешвару. Дожа не использовал возможности захватить врагов врасплох, при переправе через Темеш, и, только увидев врага около своего лагеря, он двинул крестьянские отряды в бой. Пешие ряды крестьян, как стена, встретили атаки дворянской кавалерии. Пыль и пороховой дым застилали место боя словно завеса тумана, в котором сверкали сабли и доспехи дворян, копья и топоры крестьян, раздавались ржанье лошадей, крики сражающихся, гром барабанов и труб, мелькали знамена и значки. Но в конце концов свежий арнигард дворянской конницы одолел рассеявшихся по полю во время сражения крестьян. Дворяне ворвались в крестьянский лагерь, убивая всех, кто попадался, не щадя ни детей, ни женщин. Много «куруцев» погибло в волнах Темеша и Бети, многие попали в плен, часть спаслась бегством. Дожа, все время находившийся в передних рядах своих бойцов, тщетно пытался восстановить боевой порядок и обновить дворянскую конницу. Раненый, после отчаянного сопротивления, он попал в руки врагов, так же как его брат и многие крестьянские вожди.

Бой под Темешваром решил судьбу войны. Крестьянская сила была сломлена. Дворяне предались гнуснейшим зверствам над пленными и вернувшимися в свои села повстанцами. Их калечили, пытали, сжигали. Десятки тысяч крестьян поплатились своей жизнью за пережитый дворянами страх. Но самое ужасное творилось в лагере самого Яна Заполя. Георгия Дожу с сорока крестьянскими предводителями посадили в тюрьму, где долго морили голодом. Большая часть заключенных умерла в тюрьме. Оставшихся в живых и самого Дожу, еле державшихся на ногах от истощения, вывели, наконец, из тюрьмы. Раздето-

Дожу посадили на раскаленный железный стул и надели ему на голову раскаленную железную корону, глумясь над побежденным, когда-то прозным, а теперь уже не страшным «куролем «куруцев». Под железным стулом пылал огонь. Дожу заживо жарили, вырывали щипцами куски мяса из его тела и заставляли есть их полубезумных от голода товарищей Дожи, обещая им за это прощение и свободу. Большая часть из них нашла в себе силы отказаться и немедленно погибла в пытках. Когда-то могучий воин Дожа, от голода походивший на скелет, все же сохранил мужество. Как это ни невероятно, но все современники-дворяне единогласно утверждали, что Дожа не издал ни одного стоны, и озверелые палачи не слышали от него ничего кроме возгласа «Собаки!»

Так погиб народный мадьярский герой, храбрый Георгий Дожа, вождь «куруцев». Труп его был четвертован, и части его выставлены на страх народу в Буде, Пеште, Секеш-Фейерваре и Наги-Вараде.

Его брат Григорий «в награду» за снисходительность к пленным дворянам и стремление удержать брата от расправы со знатью был «только обезглавлен». Дикая расправа победителей над побежденными крестьянами ужаснула и возбудила отвращение даже у ряда современников-дворян, настолько безумной была кровавая вакханалия помещиков. По народной легенде, Яна Заполя в виде кары за его зверскую расправу над «куруцами» постигла слепота.

Хотя поражение крестьянской войны было решено битвой при Темешваре, но крестьяне не складывали оружия. В Семиградье еще долго сопротивлялся крестьянский отряд Яна Торная. В Бачском комитате боролись отряды Лаврентия Месароша и Барабаша, пока не были окружены и уничтожены. Барабаш, не желая сдаться врагам, бросился вниз с высокой башни. Месарош же бесследно исчез. На правом берегу Дуная королевские войска с помощью артиллерии одолели разрозненные крестьянские отряды. Только к концу сентября крестьянство по всей Венгрии снова было затнано под помещичье ярмо.

Разъяренные пережитым страхом, дворяне не только отводили душу расправой над побежденным народом, но обрушились с гневом и на невольного виновника их бед кардинала Бакача и даже самого короля, обвиняя его в нерешительности и нераспорядительности. Часть дворян хотела посадить на трон своего спасителя Яна Заполя, но прибытие чешского войска, шедшего для расправы над крестьянами, могло королю удержать власть и влияние на знать.

4

Социальный состав восставших не был однородным. Подавляющее большинство повстанцев состояло из крестьян, но так же, как и в одновременных крестьянских движениях в Германии, к движению присоединялись и выходцы из низшего сельского дворянства, сельские попы и даже монахи, ремесленники и, вообще, городская беднота. Присоединение мелких дворян к восстанию не столько помогло восставшим, сколько помешало, так как эти люди вносили в ряды «куруцев» лояльно-верноподданнические чувства к королю, от которых несвободен был и сам Дожа. Это видно из всего хода восстания и из того, что, взятый в плен, он просил судить его в столице, надеясь, очевидно, на заступничество короля. Это же явилось причиной первой, основной ошибки Дожи: его ухода от Пешта вместо взятия столицы. Отступление Дожи дало дворянству и королю время собраться с силами и организовать. Раздробленность и разединенность действий крестьянства сказывались во все время гражданской войны несмотря на поистине героические усилия Дожи укрепить дисциплину и крепко спаять свои войска. Он их обучал, создавал кавалерию и даже кое-какую артиллерию. Но в общем далеко не все очаги крестьянской войны слились в единое войско. Наконец, вооружение крестьян было из рук вон плохо. Большая часть их шла в бой с дубинами, косами, вилами, копьями. Редкие из повстанцев имели мушкеты и даже сабли, между тем как дворяне располагали и прекрасно вооруженной опытной кавалерией, и наемными пешими стрелками, и отличной артилле-

Казнь Дожа. Старинная гравюра.

рией, и, наконец, сильно укрепленными замками с большими запасами продовольствия и денег.

Отсутствие поддержки со стороны городов, в которых беднота, «городской плебс», играла еще совсем ничтожную роль, значительно уменьшало шансы «куруцев» на победу. Города поддерживали дворян. Правда, семиградский город Торда присоединился к повстанцам, но по подавлении восстания он был оправдан дворянским судом как присоединившийся благодаря принуждению со стороны «куруцев».

Только зародыш венгерского рабочего класса, шахтеры — горнорабочие, как и в Германии в 1525 году, бросили работу в шахтах и отозвались на призыв крестьян. В районе Кермэцбанья они с оружием в руках вступили в бой. Но городская буржуазия и королевские войска подавили восстание рабочих, не дав ему слиться с потоком крестьянской войны.

Таким образом, на примере восстания «куруцев», как и на истории всех средневековых крестьянских восста-

ний, полностью оправдываются слова товарища Сталина, что «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

В октябре собрался государственный сейм для упорядочения дворянской победы, которая стоила крестьянской Венгрии около 60—70 тысяч убитых и замученных, тогда как дворян было убито всего около 400. Решения этого сейма представляли собой сплошной террористический акт против крестьянства. Настолько бешена и свирепа была ярость с'ехавшихся помещиков, что этот сейм даже у современников-дворян получил прозвище «дикого». Для вознаграждения дворянского «героя» Яна Заполья на крестьянство был наложен специальный налог. В постановлении о крестьянах говорилось: «Все крестьяне, восставшие против своих господ, заслужили смертную казнь. Но чтобы не проливать чересчур много крови и не разорять дворянство истреблением крестьян (сказано довольно откровенно! — И. А.), только зачинщики, вожаки, убийцы и насильники приговариваются к смерти. Остальные обязаны возместить убытки и уплатить штрафы за убитых и оскорбленных ими дворян, на что следует брать их имущество силой. Но чтоб на вечные времена помнили они это восстание, наказание распространяется на их потомков, дабы и внуки их знали, что за отвратительное преступление восстание подданных против своих господ. И для этого теряют крестьяне всякое право перехода и становятся полными крепостными своих господ. Крестьянину, у которого будет найдено ружье, будет отрублена правая рука. Дворяне, присоединившиеся к «куруцам» и принимавшие участие в пре-

ступлениях, подвергнутся тем же наказаниям и конфискации имущества, которое перейдет к вдовам и детям убитых королевских воинов. Священники, виновные в том же, будут переданы для суда епископам»². Далее следовали указания на обязательные нормы барщины и оброков, налагавшихся на раздавленное крестьянство. Специальный параграф запрещал впредь выходцам из низших сословий занимать епископские должности. Это был намек на неудачливого кардинала Бакача, крестьянина по происхождению, только в 1483 году получившего дворянское звание, которого озлобленное дворянство обвиняло в том, чего он вовсе не хотел делать. 14 ноября 1514 года все эти зверские статьи указа были утверждены Владиславом II, и дворянство принялось, окончив первую кровавую расправу, планомерно и в массовом масштабе закабалить крестьян, истребляя «опасные элементы» в народе.

5

Но очень скоро дворянам пришлось поплатиться за свою победу. В 1526 году турки, вступив в Венгрию, в битве при Мохаче наголову разбили венгерские войска. В короткое время большая часть Венгрии оказалась под властью Турции. Крестьянство и не думало сражаться за своих эксплуататоров — дворян, тем более, что условия жизни под турецким владычеством, особенно в султанских поместьях, были гораздо легче чем жизнь под гнетом венгерских феодалов. Еще после 1514 года много крестьянских семейств бежало из Венгрии в турецкие пределы. С этих пор Венгрия теряет свою государственную независимость, и XVI—XVII века полны войнами австрийских Габсбургов за овладение у Турции венгерских земель, которые в конце концов вошли в состав феодально-католической Габсбургской монархии.

Выступления венгерского крестьянства продолжались и после ужасного разгрома в 1514 году, но обстановка постоянных войн, а особенно борьбы

венгров с австрийским господством приводила к тому, что восстания венгерских крестьян лишались своего чисто классового характера и приобретали оттенок борьбы против чужеземного ига. Во главе этих восстаний становились большей частью мелкие дворяне, стремившиеся отвести боевой пыл крестьян от русла классовой борьбы. Это приводило к неразрешимым противоречиям и напряженной борьбе внутри самого лагеря восставших и являлось одной из важнейших причин поражения этих многочисленных восстаний.

В 1569 году семитрадские крестьяне разрушили крепость Олчвар и перебили немало помещиков. Восстание было подавлено, и крестьяне заплатили за него казнями, пытками и тюрьмой. В том же году восстали крестьяне долины реки Тиссы под руководством Габора Карачон «Черного человека», как его называли крестьяне, оно было также подавлено, но после еще более долгой борьбы чем в Семитраде.

В 1573 году в Хорватии, входившей в состав Венгерского королевства, вспыхнуло огромное крестьянское восстание, во многом напоминавшее славное движение «куруцев». Оно охватило не только Хорватию, но и Славонию, Крайну и Южную Венгрию и было с большим трудом подавлено помещиками. Вождь его Матвей Губец был подвергнут той же казни, что и Георгий Дожа.

В 1631 году поднялись крестьяне долины реки Тиссы, измученные грабежами и насилиями и императорских и турецких войск. Дворяне пригласили вождя доверчивых крестьян Петра Часара для переговоров и, предательски захватив врасплох его с товарищами, казнили. Но гибель вождя не остановила крестьян, и борьба продолжалась. Однако вскоре все же крестьяне были усмирены. Таков же был исход восстания 1643 года в комитате Новоград (в Северной Венгрии), где большая часть повстанцев состояла из крестьян-словоков.

Сильнейшее восстание против габсбургского владычества произошло в 1703—1711 годах. Окончилось оно также поражением крестьян благодаря сопротивлению участников-дворян

крестьянским требованиям. Вожди крестьян Фома Эсе и Альберт Киш напрасно старались вразумить дворянских вожakov. Императорские войска справились с восстанием.

В 1735 году вспыхнуло крестьянское движение в комитате Бекеш (Центральная Венгрия). В том же году поднялись крестьяне-сербы в Южной Венгрии. Бекешские крестьяне установили связь с сербами, «чтобы освободиться от тех, кто угнетает бедноту». Императорские войска подавили восстание, казнив многих крестьян, в том числе и вождя крестьян-сербов Петра Сегединаца.

Летом 1753 года двое крестьян, Павел Тэрек и Франц Петэ, пытались поднять крестьян против помещиков, говоря, что в Венгрию из Польши и румынских земель движутся войска «куруцев». Правительственные агенты арестовали их обоих и еще 15 других крестьян и казнили в столице.

Интересно то, что еще и в XVIII веке «куруцами» называли восставших крестьян: не исчезла память о славной войне «куруцев» 1514 года!

В 1755 году в Хорватии восстало до 20 тысяч крестьян, разорив около 30 замков и имений. С крестьянами расправились так, что целые районы совсем обезлюдели.

Осенью 1784 года поднялись 10 тысяч румынских крестьян под руководством крепостного Гора, избивая помещиков и попов. Их разбили императорские войска. Гора и его помощник Клошка со многими другими крестьянами были казнены.

Даже в XIX веке крепостное право все еще процветало в Венгрии. На долю крестьянина падало до 100—150 дней одной только барщины.

Только под влиянием страха, вызванного так называемой «галицийской резней» 1846 года (восстание польских и украинских крестьян в соседней Галиции), и событий революции 1848—1849 годов венгерские помещики пошли на уступки и постепенную ликвидацию за выкуп зверских форм крепостнических отношений. Но помещичья эксплуатация и гнет и по сей день дают многострадальное венгерское крестьянство.

¹ Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Парт. издат. 1933.

² Wladislaw II. Decret VII in corpus juris Hungariae. V. I, p. 325—336.